

Помещения судебных учреждений Западной Сибири в XIX — начале XX в.

Е.А. Крестьянников

Имущественное благополучие органа власти создает условия для его функционирования и определяет эффективность деятельности. Правильное и необходимое исчисление материальных ресурсов делает возможным обеспечить результативность работы государственного учреждения, недостаточное — ставит вопрос о его способности решать поставленные государством задачи. Обстановка деятельности юстиции характеризует положение судебной власти в государстве и обществе, а также развитость судебного дела в целом.

Между тем, пространственная среда обитания человека занимает немаловажное место в структуре повседневности, позволяя за этой, казалось бы, частностью, рассмотреть общее. «Первое дело — обрисовать внешний облик домов; второе — то, как выглядят они изнутри. Никто не сможет сказать, будто вторая задача проще первой. В самом деле, заново возникают все проблемы классификации, интерпретации, общей картины в масштабах всего мира. И на сей раз увидеть то, что сохраняется, то, что медленно изменяется, означает наметить основные черты картины», — писал Ф. Бродель¹. Вмещает ли судебное здание всех заинтересованных в решении дела, как выглядит оно снаружи и внутри — все имеет значение.

Приниженное положение дореформенного, до 1864 г., суда не оставляло ему шансов на приоритетное денежное снабжение. Правосудию тогда еще не требовались достойные наружность и интерьер: отсутствие публики и сторон позволяло судам ютиться в небольших помещениях и делало ненужной заботу об их благоустройстве. Неудивительно, что в Российской империи начала XIX в., даже по официальному мнению, «суммы, ассигнуемые на содержание судебных мест, а в особенности уголовных и гражданских палат, были совершенно недостаточны и настоятельно требовалось их увеличение»².

Крестьянников Евгений Адольфович — доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета.

Когда в 1819 г. в Тобольск приехал новый сибирский генерал-губернатор — «великий реформатор» М.М. Сперанский — начались ревизии имущественной части государственных учреждений. Помещения судов и полиции, исполнявшей тогда судебные обязанности, в губернской столице оказались холодными, сырыми, там гулял ветер, в одном из них обвалилась печь, в другом таковая истрескалась. Эти обиталища никак не соответствовали своему назначению. Чиновники губернского правления во главе с гражданским губернатором А.С. Осиповым на заседании 20 декабря 1822 г. заключили, что Тобольский нижний земский суд располагался в «безобразных и все неудобства представляющих комнатах», а уездный суд, теснясь в «небольших антресольных комнатах дома генерал-губернаторского», работал «в грязи, в запачканных стенах, в чаду и сырости», в общем, там, где «всякий видел унижения места правосудия». Для последнего судебного места предписывалось подыскать дом, первую организацию — переместить «в один из двух флигелей, купленных казной у г. Бабановского»³. Тогда же в Омске один из ревизоров обнаружил, что местный земский суд, «помещаясь в наемной квартире», «содержался в нечистоте». Объяснения сотрудников учреждения, пожалуй, отражали общую ситуацию: «В полиции всегдашней чистоты наблюдать никак нельзя, поелику... большого количества служителей же нет»⁴.

Как замечает современный историк Р.Г. Саражина, в конце 1820-х гг. во всех окружных городах Западной Сибири (округа — после 1822 г. сибирский аналог российских уездов), за исключением Кургана, присутственные места располагались в арендованных домах обывателей, что приводило к дополнительным расходам. В 1827 г. сенаторы-ревизоры Б.А. Куракин и В.К. Безродный, изучавшие состояние сибирского края, отмечали: «Сколь не выгодны частные дома в расположении своем для присутственных мест, столь же обременительны и для казны: ибо она, платя деньги за наем домов, лишается безвозвратно денег»⁵.

Но условия работы не всегда зависели от возможностей финансирования, иногда ухудшаясь из-за неряшливости и нерадивости сотрудников. В 1830 г. во время проведения ревизии генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов посетил Томский городской суд. Он обнаружил там «нечистоту, в каморах канцелярией занимаемых»; стол, за которым происходило действие правосудия, был «покрыт каким-то изодранным куском, похожим более на тряпицу, нежели на сукно, и уже давно потерявшим принадлежавший ему цвет»⁶.

После реализации Сперанским в 1822 г. управленческой реформы в Сибири главными судебными учреждениями стали губернские суды. Томский губернский суд с 1842 г. размещался вместе с прокуратурой в комнатах нового здания губернских присутственных мест⁷. В 1881 г., когда потребовалось сделать ремонт судебных помещений, архитектором А. Алексеевым предписывалось произвести следующие работы: «Перестлать полы с добавлением $\frac{2}{3}$ новых досок», «окрасить полы охрой на масле», «все оконные летние и зимние переплеты с рамами и подоконными досками окрасить белыми на масле и прирезать вместо нижних задвижек закладные крючки», «починить малой починкой три голландские печи», «оклеить новыми обоями», «во всех помещениях обелить потолки и стены»⁸.

Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила задачи юстиции, повысила ее значение, превратив в независимую ветвь власти, установила принципы состязательности и гласности судопроизводства, а, следовательно, вызвала нужду в специальных, приспособленных под усовершенствованное правосудие помещениях: «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных» не допускал тесноты и неопрятности, повышал инициативный потенциал судебных деятелей, которых теперь очень заботило состояние храмов Фемиды. Недаром, одним из насущных вопросов, решавшихся тогда, стало «приискание удобных и приличных помещений для новых судебных учреждений»⁹.

В Сибири аналогичная задача была поставлена во время судебного преобразования 1885 г., введя некоторые принципы Судебных уставов Александра II и, в силу этого, допустившего в судебный процесс обвинение и защиту, а в заседаниях судов — публику¹⁰. Для правосудия потребовались дополнительные квадратные метры, которые где-то нашлись. Так, в 1887 г. Ишимский окружной суд, как следует из журнала заседаний заведения, нанял для себя помещение «более пространное и с большим числом комнат»¹¹.

Еще больше в расширении нуждались губернские суды, особенно после осуществления закона от 17 ноября 1886 г., позволявшего дробить эти учреждения правосудия на отделения¹². Томский губернский суд сразу переехал в арендованный у купца И.Г. Чистякова дом («деревянное двухэтажное здание с высокими, просторными и веселыми комнатами прекрасно устроено: обилие воздуха и света, большой зал судебных заседаний, где свободно может поместиться до 75 человек публики, не оставляет желать ничего лучшего»), в те «неприхотливые» времена, казавшийся отличным местом¹³.

Тобольский же губернский суд, как и прежде, размещался в бывших генерал-губернаторских конюшнях. Долгое время этому зданию не уделялось должного внимания, и оно ветшало. Председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращенко, мотивируя желание расширить и отремонтировать судебное здание, писал тобольскому губернатору В.А. Тройницкому: «Тобольский губернский суд, помещаясь в каменном одноэтажном флигеле, находящемся в ведении Министерства внутренних дел, по недостатку и неудобному расположению комнат, не соответствует требованиям этого учреждения. Помещение это переделано из бывших при генерал-губернаторском доме конюшен, почему и устроено в длинную линию; есть комнаты проходные. Зал публичных заседаний одно, с маленькой в одно окно, душевую комнату для совещаний. Между тем суд, состоя из двух отделений, не может в одно и то же время открывать заседания по двум отделениям его за неимением другого зала и комнаты для совещаний, вследствие чего приходится выжидать окончания заседания по одному отделению, или откладывать заседание до другого дня, чтобы уступить зало другому отделению. Отсюда, как последствие этих неудобств неизбежных, является потеря времени, необходимого для правильного и успешного разрешения дел. Кроме того, внутренняя и наружная части здания, а также печи и полы пришли в ветхость и требуют капитального ремонта».

Обследовали обиталище правосудия и местные специалисты-архитекторы. В акте освидетельствования его состояния от 15 мая 1891 г.

они заключили: «Помещение суда недостаточно для одновременного назначения заседаний суда по двум его отделениям, вследствие чего, является масса неудобств; со стороны входных дверей (главных) — помещение холодно вследствие отсутствия правильно устроенных сеней, помещенных ныне в пришедшей в ветхость пристройке — деревянной, небезопасной поэтому в пожарном отношении; полы во всех помещениях истерлись и местами прогнили; из образовавшихся щелей между подоконниками и каменной кладкой стен замечается движение наружного воздуха во внутри помещений, вследствие чего таковые в зимнее время скоро охлаждаются; краска окон, дверей и штукатурка сильно растрескались и местами отвалились, что совместно с истертыми и прогнившими, местами, полами, придает помещению грязный вид; четыре двери и три печи пришли в ветхость; пристройка, вмещающая ретирад, пришла в ветхость и будучи деревянной — небезопасна в пожарном отношении; кроме того, месторасположение ретирада, как в самом конце здания — неудобно. С наружной стороны здание также пришло в ветхость: штукатурка стен, а особенно в нижней части таковых, потрескалась и местами отвалилась; карниз, состоящий из штукатурного намета по прибитой драни, потрескался, и намет местами отвалился; таковой порче штукатурки содействует, главным образом, отсутствие надежных желобов крыши, так как вода, не имея определенного стока, стекает по всей длине карниза и, попадая от действия ветра на стены, разрушает штукатурку и самый карниз, который и так, состоя из алебастрового намета, дурно сопротивляется действию сырости; железная крыша пришла в ветхость и, особенно у свеса — так, что местами протекает вода; цоколь в нижней части местами разрушился, так, что соответствующая верхняя часть находится на весу»¹⁴.

На моральное несоответствие здания Тобольского губернского суда престижу правосудия указывал член этого суда Н.П. Геллертов: «Узкое, одноэтажное, кажущееся особенно придавленным от громадного трехэтажного рядом стоящего дома губернских присутствий». Посетителей там встречали «захватанные, заплеванные двери», «грязный пол», «грязные с паутиной стены, убогая мебель, убогие канцелярские принадлежности, окурки и плевки на полу и атмосфера, насыщенная табаком и еще каким-то особым кислым газом». Кабинет председателя представлял собой комнату, «через которую неизбежно беспрерывно проходили сторожа, секретари, столоначальники и писцы». Чиновник констатировал: «Состояние помещения, которое я в силах был описать, дает неутешительную картину, оскорбляющую человеческое достоинство и достоинство понятия храма правосудия. Дальнейшее квартирование в этом помещении, правда, бесплатное, по-моему, совершенно невозможно, если только не будет произведен ремонт в самом непродолжительном времени»¹⁵. В 1894 г. деньги на починку и достройку этих «стойл правосудия» нашлись (обошлось все в 9800 руб.)¹⁶, но, как видно из планировки этого здания накануне и после окончания строительных работ, «метраж правосудия» увеличился ненамного.

Другие судебные места Тобольской губернии находились в самых разных условиях. Например, П.М. Бутовскому (позже сенатор, товарищ министра юстиции, проводил ревизию судебных учреждений Западной Сибири в 1892 г.¹⁷) после посещения Туринского ок-

ружного суда пришлось констатировать: «Помещение суда состоит из двух комнат и очень неудовлетворительно. Нет даже особой совещательной комнаты для судей, а комната присутствия так мала, что в ней едва умещается стол и три кресла». А вот Ишимский окружной суд находился в наемном двухэтажном доме и имел «обстановку вполне приличную»¹⁸ (скорее, последнее было исключением из правил). В данном случае это не удивительно: суд работал в доме купца В.К. Постникова, за который велась нешуточная борьба государственных учреждений, и хотя ишимскому суду Омской контрольной палатой отказывалось в просьбах о финансировании отопления и освещения помещения и ему предлагались другие здания, он отстаивал свое право на расположение в дорогостоящем здании (850 руб. в год вместо прежнего — за 400 рублей)¹⁹.

Судебная реформа 1864 г., предъявляя высокие требования к судьям, большое внимание уделила их материальному благополучию. Министр юстиции Д.Н. Замятин по этому поводу говорил: «Если по каким-либо соображениям признанно будет необходимым уменьшить оклады и отменить проектированные прибавки, то лучше отказаться от судебной реформы»²⁰. Аргумент о высокой стоимости судебной реформы как о препятствии к ее осуществлению выдвигался противниками Судебных уставов еще в начале 1860-х годов. Тогда этот довод решительно отвергался. «Недостаток денежных средств, коими может располагать правительство, независимо от общих экономических условий, — утверждали чиновники, разрабатывавшие уставы, — происходит в особенности от несовершенства основных органов управления правосудия, составляющего главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги без кредита не составляют капитала производительного, а кредита не может быть при беспорядке в судебном ведомстве и потому, если действительно нет денег, то усовершенствования судоустройства не только полезны, но необходимы, и сама недостача денег составляет не возражение против усовершенствований в судебном ведомстве, а доказательство их необходимости»²¹. Хотя в обществе пореформенной России имелось и иное мнение, правда, не очень распространенное. «Новый суд не по деньгам казне, не по деньгам народу», — писал, например, «железнодорожный магнат» П.Г. фон Дервиз²².

В 1897 г. Сибирь наконец-то получила Судебные уставы, некоторые отступления от положений которых, ретроградные по смыслу и не принятые передовой общественностью той поры, диктовались открытым стремлением правительственных чиновников наименее обременить казну расходами и нежеланием нести затраты на благоустройство сибирского края. Мысль о том, что «один Невский проспект в пять раз ценнее всей Сибири»²³, являлась составной частью имперского общественного сознания и потому, как отмечал сибирский судебный деятель Р.Л. Вейсман, Временные правила установили в крае «правосудие на дешевых началах»²⁴. «Суд дешевый — синоним суда плохого», — сказал в одной из своих многочисленных речей тогдашний министр юстиции Н.В. Муравьев²⁵. В Сибири, куда он съездил, ему докладывали о дороговизне местной жизни и он, «высказав внимание и к материальному положению господ чиновников», обещал вновь назначенным судьям «прийти на помощь по этому случаю»²⁶.

Раньше, во время подготовки судебной реформы, он об этом не задумывался, утверждая в Государственном совете, что низкая стоимость реформы — одно из главных ее достоинств²⁷. По подсчету министра, «сибирский судебный округ» должен был обходиться государству дешевле любого другого более чем на четверть²⁸.

В целом, преобразование подразумевало, что фискальный интерес приоритетен над какими-либо иными. Установление судебных учреждений в заведомо малом количестве и составе, совмещение в их руках разнообразных функций, максимальная бережливость при расходовании денег на обеспечение режима работы — вот способы, которыми достигалась экономия государственных средств, они же стали главными источниками дефектов реформированного правосудия. Новый суд унаследовал от дореформенного пороки, не позволявшие ему в полной мере реализовать властный потенциал, а его обстановка не очень соответствовала задачам «нового» суда.

Восхищение по поводу судебного здания в Томске сменилось возмущением, так как «нужды» юстиции значительно преумножались. Теперь бывшее помещение не удовлетворяло: «Ныне занимаемое судом помещение в доме Чистякова по тесноте своей представляет крайние неудобства и для самого суда, и для имеющих до него дело. В нем нет особой приемной комнаты, где бы дежурный член суда мог принимать прошения и обращающихся за справками; корпорация поверенных также не имеет в помещении суда никакого уголка, где бы они могли переговаривать с обращающимся к ним за советами. Просители, стороны, свидетели — все толкуются в узеньком и коротеньком коридоре — передней нижнего помещения суда...»²⁹.

Явно недостаточными являлись суммы, выделявшиеся на покрытие канцелярских расходов судебных чиновников, и некоторые мировые судьи считали главным препятствием своей деятельности «крайне недостаточный размер канцелярских средств»³⁰. У судей зачастую отсутствовали средства на наем камер, сторожей, письмоводителей, оплату освещения и отопления судебных помещений, покупку самых необходимых для работы вещей — сейфов, мебели, на что они тратили свои собственные деньги, живя в долг.

В 1908 г. мировые судьи Томска решили создать специальную комиссию для определения размера сумм, необходимых для нормального обеспечения их жизни и деятельности. Они собрали сведения о ценах в губернском городе и оказалось, что на содержание камеры с канцелярией фактически тратилось 2800 руб. в год, тогда как на эти нужды казна отпускала лишь 1200 рублей. Поэтому мировые судьи нанимали под камеры тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, из-за чего часто болели, а в качестве служебного персонала использовали случайных и неблагонадежных людей³¹.

С проведением судебной реформы 1897 г. суд приближался к населению, которое устремилось в новые учреждения, а правосудие потребовало дополнительных квадратных метров, пристойных экстерьера и интерьерера. Найти их оказалось делом непростым: так, курганский окружной исправник в августе 1897 г. доносил тобольскому губернатору, что, хотя для четырех из пяти мировых судей округа «могут быть найдены помещения», но они «мало соответствующие сказанному назначению»³².

Плохо было и мировым судьям, которые, порой, трудились в невыносимых условиях. Стране стало об этом известно из статьи хорошо знакомого с Сибирью чиновника М. Войтенкова³³ в популярной столичной газете «Право»: «Мировые судьи принуждены зачастую ютиться в ужасных избах при убогой обстановке. Камеры мировых судей представляют из себя такое же убожество и решительно не соответствуют своему назначению. Убожество камер, ютящихся в отвратительных избах, объясняется еще и тем, что на устройство камер были отпущены в каждом участке весьма скудные средства, и лишь один раз — при проведении реформы в Сибири. С течением же времени камерное имущество, и без того незавидное, переходя от одного судьи к другому, пришло в ветхость и совершенную негодность, благодаря чему во многих камерах нет скамей для публики, нет даже стола и стула для судьи, нет такой роскоши, как сукно для стола, а если имеется, то представляет из себя в большинстве случаев удивительно грязные лохмотья. О таких же непрременных принадлежностях, как свидетельская комната, помещение для архива или хранения вещественных доказательств, и говорить не приходится, ибо таковых нигде нет»³⁴.

Томскому адвокату В.Н. Анучину посчастливилось побывать на Кавказе, по подобию мировой юстиции которого был устроен сибирский суд, и сравнить их имущественную часть. Увиденная им камера в Гудауте удивила его простором и убранством: с «поместительной прихожей», пятью «просторными, светлыми комнатами с высокими потолками и дверями, большими окнами». Объяснение сибиряк нашел в разной финансовой политике, применявшейся в различные периоды в отношении отдельных регионов империи, в том, что на содержание правосудия на южных рубежах Европейской России средств «отпускалось достаточно», на материальное обеспечение сибирских судов, напротив, денег не доставало³⁵.

К открытию 2 июля 1897 г. новых судебных учреждений Сибири (это, собственно, и была реализация судебной реформы 1864 г.) Тобольский окружной суд въезжал в недавно отремонтированные и роскошно декорированные стойла³⁶. Теперь дом, где ущемлялось всякое достоинство, совершенно не удовлетворял судейским нуждам, и в дальнейшем ставился вопрос о строительстве нового здания, однако, ассигнования на это не выделялись. Отчаявшись, председатель Тобольского окружного суда П.Е. Маковецкий в 1907 г. писал председателю Омской судебной палаты: «Необходимо построить новое здание суда и давно уже пора бросить бывшие генерал-губернаторские конюшни»³⁷.

Между тем, новые судебные правила обязали окружные суды устраивать выездные заседания в городах губернии. Таких сессий Тобольский окружной суд проводил на рубеже XIX—XX вв. от 19 до 28 ежегодно³⁸. Там, куда он заезжал, естественно, отсутствовали специальные здания. Вейсман указывал, что для окружных судов Западной Сибири годились старые школы, казармы, клубы³⁹. Например, в Тюмени зимой 1900 г. в качестве временного пристанища Тобольского окружного суда использовалось мужское фойе в театре Текутьева⁴⁰, хотя уже было запланировано перестроить под нужды суда часть тюменского гостиного двора⁴¹. В Ишиме окружной суд размещался то в помещениях городского общественного управления, то общественного собрания, разделяя их с временным отделением

Государственного банка. В 1901 г. по ультимативному требованию этого финансового учреждения Ишимская городская дума прогнала суд из занимаемых им в течение нескольких лет помещений, поставив его «в безвыходное положение». Примечательно: главным поводом выселения правосудия в Ишиме послужило то, что заезжая на время сессий, окружной суд вынуждал банковское заведение освобождать помещение, и это было «сопряжено с большими стеснениями и ущербом от переноса мебели банка»⁴². В 1900 г. в Бийске Томскому окружному суду не удалось провести заседания выездной сессии в помещении местного общественного собрания, которое оказалось задействованным для празднования масленицы⁴³.

Зачастую атмосфера, царившая в залах заседаний судов, была далеко не подходящей для служения Фемиде. «Во время процесса, — наблюдал Вейсман, — не раз приходилось слышать хлопанье пробок, стуки киев, пьяные голоса посетителей»⁴⁴. Иногда такое положение вызывало возмущение судебных деятелей. Однажды прокурор томского окружного суда категорически отказался от проведения судебных заседаний «в те дни, когда устраиваются обыкновенные клубные вечера»⁴⁵.

Иногда западносибирские окружные суды делили пространство с библиотеками. Тем самым судьба как бы подчеркивала единство назначения храмов правосудия и храмов знаний: оно состояло в их просветительской миссии. Борьба с невежеством народа, формирование у него должного правосознания — такова задача, которую поставила перед новой юстицией судебная реформа 1864 года. Правда, обозначенное соседство не всегда было взаимно комфортным. В том же Ишиме суд, вытесняя банк со второго этажа здания на первый, где находилась городская библиотека, вынуждал ту закрываться на период судебной сессии⁴⁶.

Пожалуй, первым признаком повышения значения правосудия стало строительство специально предназначенного для судебных нужд дома. В воскресенье 5 мая 1902 г. произошла торжественная закладка необходимого региону здания Томского окружного суда в присутствии губернатора, князя С.А. Вяземского, старшего председателя Омской судебной палаты А.А. Кобылина, городского головы А.П. Карнакова, председателя местного окружного суда А.В. Витте и многочисленных судебных чиновников⁴⁷. Городская пресса анонсировала это важное событие и освещала мероприятие, которое завершилось праздничным завтраком⁴⁸. Возводилось сооружение в главном губернском городе на месте, принадлежавшем торговому дому «Евграф Кухтерин и сыновья», на его же деньги. 31 августа 1904 г. Томский окружной суд переехал в новое помещение, в котором трудился до 1916 г. на правах аренды, пока Министерство юстиции не выкупило здание за 235 тыс. рублей⁴⁹.

Здание строилось под наблюдением архитектора К.К. Лыгина и имело, как тогда представлялось, все необходимое для отправления правосудия и даже несколько больше. Так, предусматривалось помещение специально для присяжных заседателей⁵⁰, хотя в Сибири суд присяжных еще отсутствовал (учрежден в Тобольской и Томской губерниях в 1909 году). По описанию «Сибирской жизни», окружной суд разместился «в прекрасной архитектуры каменном доме» с электрическим освещением и паровым отоплением, «прекрасным светлым

залом» заседаний в форме амфитеатра на 250 чел., комнатами архива и т.д.⁵¹ Символично для «нового» суда, что владелец здания А.Е. Кухтерин в 1907 г. был в нем же и осужден⁵². Однако уже вскоре после постройки обнаружился недостаток квадратных метров, отведенных под правосудие, и эксперты Министерства юстиции признали суд «слишком тесным»⁵³.

В Тобольской губернии не было и такого сооружения, а правосудие настоятельно требовало расширения своего пространства: ведь на границе первого и второго десятилетий ХХ в. появлялся суд присяжных. Примерно тогда же были установлены правила обустройства судебных помещений в Российской империи⁵⁴. 4 июля 1913 г. представители строительного отделения губернского управления во главе с П.Е. Маковецким во время ремонта произвели экспертизу состояния «дома Корниловой» (сибирякам больше известен как «дом Корнилова»⁵⁵), где после отъезда из генерал-губернаторских конюшен пришлось разместиться Тобольскому окружному суду.

Результаты осмотра оказались неутешительными: «При производстве в доме внутреннего ремонта в комнате... обнаружена во всю толщину капитальной стены первого этажа сквозная трещина от половины высоты комнаты к полу. Известковый раствор, вынутый из этой расщелины, оказался прочным и хорошо схватившимся, так что к нему пристали частицы кирпича, причем кирпичи в кладке шатаются и многие можно вынимать руками. В подвальном этаже в той же стене... обнаружены также значительные трещины по перемычкам и в местах сопряжения этой капитальной стены. Упомянутая трещина совершенно недавнего происхождения и в изломе еще не покрыта пылью и грязью. Около этой трещины в углу находится водопроводный кран без раковины, пол под краном сгнил. В комнате под большим залом заседаний... в двух местах обнаружено отставание штукатурки; в остальных местах штукатурка прочна и трещины при ремонте расчищены и расшиты надлежащим образом. Остальные трещины в кабинете председателя, вестибюле и т.д. происхождения давнего, наблюдались еще при осмотре дома для занятия его окружным судом и с тех пор не увеличились. Снаружи по всему периметру здания, за исключением новейшей пристройки с восточной стороны здания..., оштукатурка цоколя обвалилась в нижней своей части, кирпичная облицовка под ней также отделилась на толщину местами до одного кирпича и под ней обнаружен совершенно изопревший кирпич фундамента. Грунтовые воды стоят в нынешнем году небывало высоко и в подвале сырость и плесень. По обоим уличным фасадам обнаружены вертикальные трещины от окон подвала до подоконников первого этажа и местами выше по перемычкам».

Строители тогда заключили: «Ввиду того, что внутренняя капитальная стена находится под залом заседаний, и пол его опирается на эту разрушающуюся стену, полагали бы более осторожным ограничить число посетителей в зале судебных заседаний девятью человеками на квадратную сажень, т.е. 16х9 — не более 150 человек, считая в этом числе состав суда, присяжных, свидетелей и публику...»⁵⁶. Такой простор оставляли правосудию стены «дома Корниловой», ровно настолько в нем получалось реализовать один из либеральных принципов судопроизводства — гласность судебных заседаний.

Вместе с тем, наступала эра «электрического» правосудия. В начале 1915 г. по просьбе Маковецкого, радевшего о состоянии помещения окружного суда, комиссия в составе инженеров и электромонтеров участвовала в «приемке вновь оборудованного в помещении окружного суда электрического освещения», «с целью выяснения прочности, соответствия с техническими требованиями и безопасности» его в пожарном отношении. 10 января был составлен акт обследования, выявившего значительные недостатки в электрооборудовании: «При осмотре оказалось: 1). Ввод в здание проложен шнуром, а не проводником на роликах или в трубках; 2). Отводы от главных магистралей расположены один против другого, должны быть в разных местах, т.е. между местами спаек должен быть ролик; 3). Отводы от магистралей не везде пропаяны; 4). Концы шнуров в патронах и выключателях во многих местах не пропаяны, все концы необходимо пропаять; 5). Шнуры к блочным приборам в некоторых местах не цельные, а паяные, сами приборы без предохранителей, необходимо в розетке блочного прибора поставить предохранители; 6). Шнуры над окнами проведены близко к карнизным крючьям, а в некоторых местах лежат на них и не снабжены трубками, необходимо шнуры удалить от крючьев, во избежание прижимания их к стенам при навеске карнизов, или одеть в бергамановские трубки в металлической оболочке; 7). Спуски из одного этажа в другой проложены в одной трубке, должны быть не шнурованные, а из перевода и в двух; 8). Вся установка электрического освещения здания распределена на группы неравномерно, так в некоторых группах до 38 ламп, в других же только 13—15 при одинаковом количестве свеч в лампах; 9). Люстры от железных потолочных крючьев не изолированы, при скрошении проводов нет трубок, при входе в трубки нет около втулок роликов, на роликах шнуры не перевязаны и т.п. мелкие дефекты. Все замечания неправильности установки противоречат циркулярному распоряжению Министерства внутренних дел от 4 июля 1904 г. за № 925 и, кроме того, создают большие неудобства в пользовании электрическим освещением»⁵⁷.

Таким образом, ко всему прочему, правосудие имело все шансы оказаться на пепелище. Неразрешенность проблем пожарной безопасности не раз бросала региональную Фемиду в огонь: осенью 1812 г. пылала Москва, а в далекой Сибири — Тарский уездный суд; в 1887 г. пожар «истребил дела Березовского окружного суда»⁵⁸, «2 мая 1917 г. от возникшего в г. Барнауле пожара сгорело помещение окружного суда со всеми находящимися в этом помещении делами окружного суда и камеры прокурора»⁵⁹ и т.д.

«Далеко не соответствующим своему назначению» признавалось здание Тобольского окружного суда экспертами Министерства юстиции, которые считали «весьма желательным» заново возвести храм правосудия⁶⁰. Предполагалось, что средства на его сооружение будут заложены в министерские расходы 1914 года. Тобольское губернское управление уже уступило под него место в благоприятном и достойном для правосудия районе — на углу Богоявленской и Архангельской улиц, напротив губернской гимназии. Еще в 1912 г. состоящим при Министерстве юстиции архитектором академиком В.А. Пруссаковым (этот строитель спроектировал много зданий судебных учреж-

дений в России, кроме того, построил не одно сооружение другого назначения, которые можно посмотреть на Невском проспекте) был исполнен эскиз-проект здания для окружного суда в Тобольске, утвержденный 3 мая 1913 г. тобольским губернатором А.А. Станкевичем. Это был большой трехэтажный дом, внешне — помпезный, внутренне — вместительный, где предусматривалось все для безмятежного служения Фемиде. На набросках Пруссакова были изображены просторные залы заседаний, совещательные комнаты, в том числе для присяжных заседателей, вестибюли для публики, архивы суда и прокурора, буфет, уборные, световой дворик, квартиры сторожа, вахтера, швейцара, смотрителя и т.д. — то, чем Тобольскому окружному суду не пришлось воспользоваться, ведь здание не было выстроено. Вскоре судебному учреждению предстояло расположиться в отремонтированном доме пансиона гимназии ⁶¹.

Во втором десятилетии XX в. еще один окружной суд в Тобольской губернии намеривались разместить в Ишиме, городская дума которого безвозмездно уступила Министерству юстиции участок городской земли в 1200 квадратных саженей под постройку «собственного здания» ⁶². Но задуманный ишимский суд так и не появился, а городским саженям не посчастливилось ощутить тяжесть залов, где распределялись судебные милости.

Антресоли, флигели, конюшни, купеческие дома, театры — туда нередко помешались суды. С правосудием, бывало, соседствовали грязь, окурки, скверные запахи, сырость, винные пары, плесень и трещины, его оскорбляли, выгоняя, располагая «в линию» и в стойлах, ограничивая саженями, комнатами, обветшалыми постройками и чужой мебелью, оно размывалось дождевыми и грунтовыми водами, посыпалось штукатуркой, мерзло, обдувалось сквозняком, существовало на грани возгорания, душилось электрическими шнурами, иногда ремонтировалось и только начинало приобретать собственный угол. Учреждениям юстиции не удалось создать вокруг себя комфортную среду обитания: в двигающейся к краху империи квадратные метры, разрушавшиеся кровли, потолки, карнизы, полы и стены оказывались крепче престижа судебной власти.

Примечания

1. БРОДЕЛЬ Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVII вв. Т. 1. М. 1986, с. 303.
2. Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902: Исторический очерк. СПб. 1902, с. 35.
3. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень. 2000, с. 181—182; Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 329, оп. 10, д. 250, л. 120—122; оп. 12, д. 25, л. 31.
4. ГАТ, ф. 329, оп. 12, д. 30, л. 11—11об.
5. САРАЖИНА Р.Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII — середине XIX вв. Дисс. канд. ист. наук. Омск. 2011, с. 184—185.
6. Государственный архив Томской области (ГА ТО), ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 25.
7. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. Томск. 2004, с. 246.
8. ГА ТО, ф. 6, оп. 1, д. 1785, л. 21—21об.
9. Министерство юстиции за сто лет, с. 100.

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. III, т. 5, № 2770.
11. Государственный архив Тюменской области (ГА ТюмО), ф. 40, оп. 2, д. 383, л. 4.
12. ПСЗ. Собр. III, т. 6, № 4021.
13. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 249, 286.
14. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 193, л. 9—10об., 22—22об.
15. Библиотека российского государственного исторического архива (РГИА). Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским, с. 138—140.
16. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 193, л. 24, 306.
17. См., напр.: История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911 гг. СПб. 1911, с. 116; ПАВЛОВСКИЙ И.Ф. Полтавцы. Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители. Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава. 1914, с. 139—140; Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.-Л. 1924, с. 171.
18. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 33об., 37.
19. ГА ТюмО, ф. 40, оп. 2, д. 383, л. 3, 4—5, 11—13, 24—25, 30—30об., 59—60об.
20. Министерство юстиции за сто лет, с. 94.
21. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. СПб. 1867, ч. 3, с. XL.
22. Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон Дервиза. 1881 г. — Русская старина. 1885, № 6, с. 596.
23. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб. 1901, с. 9.
24. ВЕЙСМАН Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда. — Сибирские вопросы. 1908, № 3—4, с. 46.
25. МУРАВЬЁВ Н.В. Последние речи. 1900—1902 гг. СПб. 1903, с. 106.
26. Томский листок. 13.VII.1897.
27. МУРАВЬЁВ Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб. 1900, с. 400.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.
29. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 286.
30. Там же, д. 254, л. 115.
31. ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 139, л. 1—23; д. 186, л. 433об., 461—462.
32. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 859, л. 33.
33. В 1905—1906 гг. товарищ прокурора Томского окружного суда (ГА ТО, ф. 11, оп. 2, д. 16, л. 2—5).
34. ВОЙТЕНКОВ М. Мировой судья в Сибири и в Забайкалье. — Право. 30.I.1911.
35. АНУЧИН В.Н. Мировой судья на Кавказе. — Утро Сибири. 10.XII.1911.
36. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск. 1898, с. 41.
37. Государственный архив Омской области (ГА ОО), ф. 25, оп. 1, д. 139, л. 12.
38. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 97, л. 27.
39. ВЕЙСМАН Р.Л. Ук. соч., с. 45.
40. Сибирская торговая газета. 19, 20.I.1900.
41. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 365.
42. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 893, л. 1—8.
43. ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 1, л. 91.
44. ВЕЙСМАН Р.Л. Ук. соч., с. 45.
45. ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 1, л. 2.
46. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 893, л. 2.
47. Сибирский наблюдатель. 1902, № 5, с. 147.
48. Сибирский вестник. 3, 5, 8.V.1902; Сибирская жизнь. 7.V.1902.
49. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 287—291.
50. Сибирский наблюдатель. 1902, № 5, с. 147.
51. Сибирская жизнь. 1.IX.1904. Сейчас в этом здании располагается Томский областной суд.

52. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 291.
53. Описание помещений судебных палат и окружных судов. СПб. 1913, с. 56.
54. «В 1912 г. Государственная дума выразила пожелание к составлению плана строительных работ на будущее время в учреждениях Министерства юстиции. Помещение для выездного отделения окружного суда должно быть примерно таким: зал судебного заседания (35 кв. сажень чистого пола), комната для присяжных заседателей (10 кв. саж.), комната для совещания судей (5,5 кв. саж.), свидетельская (7 кв. саж.), комната для арестантов (8 кв. саж.), канцелярия (6 кв. саж.), коридор и уборная (30 кв. саж.). Для постоянного окружного суда требовались кабинеты для председателя, членов суда, для общего собрания отделений, библиотеки, старшего нотариуса, прокурора, товарища прокурора, приемной прокурора и товарищей прокурора, канцелярии и архива прокурора, общего архива, нотариального архива, а также комнаты для поверенных, курьеров, швейцаров, заведующего зданием и буфетная — всего 286 кв. сажень». БУЗМАКОВА О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Томск. 2004, с. 130.
55. Корниловы — известная династия тобольских предпринимателей. См., напр.: Тобольский биографический словарь. Екатеринбург. 2004, с. 231—234.
56. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 1032, л. 1а.
57. Там же, л. 8—9.
58. Там же, ф. 329, оп. 13, д. 517; ф. 377, оп. 1, д. 47.
59. Центр хранения архивного фонда Алтайского края, ф. 141, оп. 1, д. 16, л. 16.
60. Описание помещений..., с. 55.
61. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 940, л. 2, 7, 8—11, 75, 84; д. 1202, л. 2.
62. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 904, л. 50—52об., 59—59об.